**УДК 81**

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/1-181-183

**СЕМУШИНА Катерина Алексеевна,**
**Кубанский государственный университет,**
**г. Краснодар, Россия**
**kate4ka8989@mail.ru**

**SEMUSHINA Katerina A.,**
**Kuban State University,**
**Krasnodar, Russia**
**kate4ka8989@mail.ru**

# «ГОРОД ПОД КУПОЛОМ» ИЛИ «ЗАПОВЕДНИК»: ДОВЕДЕННАЯ ДО АБСУРДА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

# «CITY UNDER THE DOME» OR «RESERVE»: BROUGHT TO THE ABSURD REALITY

**Современная культура является эпохой «вторичных» мифов, имеющих знаковую природу. В статье автор рассматривает судьбу мифа о Пушкине в современной русской прозе. Этот культурный миф проходит испытание абсурдом. Автор выбирает для иллюстрации этого процесса две повести, написанные в середине – конце XX в. В повести А. Битова «Фотография Пушкина» абсурдизация образа происходит через реализацию метафоры «город под куполом». А. Битов делает основой своей повести фантастический сюжет: превращение Земли в большой музей. С одной стороны, великая культура сохранилась целой и невредимой. С другой же стороны, однажды закрытая куполом, эта культура стала недоступной бывшим жителям Земли: они сохранили оболочку, но навеки утратили содержание культуры. По мнению автора, подобные процессы происходят сегодня с именем Пушкина. В повести С. Довлатова «Заповедник» возводится в степень абсурда культ почитания поэта. Биография Пушкина, его внешний вид становятся достоянием музея, его собственностью. Читателей заменили толпы восторженных туристов, изучение творчества поэта – экскурсии. Такое восприятие образа поэта стало возможным, поскольку Пушкин воспринимается как знак культуры. Усиление мифологического начала в образе Пушкина доходит до абсурда, который нельзя не заметить. Автор статьи делает вывод, что абсурдизация мифа приводит к снижению образа, а это равносильно уничтожению культурного мифа. Но именно демифологизация дает новый импульс для его развития через возникающую при столкновении с абсурдным образом ситуацию остранения.**

**Modern culture is the era of "secondary" myths that have symbolic nature. In this article the author discusses the destiny of the myth about Pushkin in the modern Russian prose. This culture myth is verified by the absurd. The author of this article chooses to illustrate these process two novels written in the middle - the end of the 20th century. In the A. Bitov's story «Photo of Pushkin» absurdity of the image is making through the realization of the metaphor «city under the dome». The foundation A. Bitov's story is a fantastic plot: the transformation of the earth into a large museum. On the one hand, a great culture has remained intact. On the other hand, once a closed dome, this culture has become inaccessible to the former inhabitants of the earth: they kept the shell, but forever lost culture's content. According to the author, these processes take place today with the name of Pushkin. The cult of poet's veneration reaches the absurd in the S. Dovlatov's story «Reserve». Biography of Pushkin, his appearance becomes the attribute of the museum, its property. Readers replaced by enthusiastic crowds of tourists, the study of the poet – by tours. This perception of the poet's image was made possible because Pushkin is seen as a sign of cultural. Strengthening mythological beginnings in Pushkin's image comes to the absurd, which can not be overlooked. The author concludes that the absurdities of the myth leads to a reduction of the image, and this is equal to the destruction of the cultural myth. But the demythologization gives a new pulls to its development through the clash with the absurd situation of estrangement way.**

*Ключевые слова:* **культурный миф, знак, пушкинский миф, мифологизация, демифологизация.**

*Keywords:* **culture myth, sign, myth about Pushkin, mythologization, demythologization.**

Готовые мифологические системы предоставляют литературе схемы для создания ее собственных мифов. Так, А.С. Пушкину был присвоен ярлык «культурного героя» русской классической литературы. В данной статье мы рассмотрим способы разрушения этого мифа и их последствия.

Миф о Пушкине, наряду со многими культурными мифами, подвергся испытанию абсурдом. Можно сослаться в качестве примеров на «Литературные анекдоты» Д. Хармса [1], повесть «Фотография Пушкина» А. Битова [2], «Прогулки с Пушкиным» А. Терца [3] и др. Но в рамках данной статьи сложно представить полную картину влияния абсурда на литературные процессы, так что мы ограничимся разбором отдельных произведений. Такой способ демифологизации становится реакцией на мифологические образы с семантикой «города», «заповедника»; здесь миф о Пушкине достигает степени замкнутого пространства, в котором действуют определенные законы.

Повесть А. Битова «Фотография Пушкина» [2] является своеобразным развитием фантастической идеи В.В. Набокова о последствиях проникновения наших современников в эпоху А.С. Пушкина. О набоковских традициях в повести А. Битова мы говорили более подробно в другой статье [4]. Здесь же обратим внимание на прием реализации метафоры «город под куполом». По воле автора мы перемещаемся в будущее, из дали которого видим сегодняшнюю культуру завершенной и спрятанной под купол. Люди отныне живут на других планетах, Земля же продолжает существовать как большой музей, один из разделов которого – город Петербург, накрытый для защиты колпаком: «Серебряное небо Петрограда, по образному выражению докладчиков, означает гигантский, отражающий некие жесткие и острые излучения колпак, действительно снаружи очень серебряный цветом, но, конечно, не из серебра, а из специального

античегота; "хрустальное облако Петербурга" – не менее образно выражает тоже колпак, но меньшего размера, концентрически помещающийся в петроградском, только абсолютно прозрачный. Этот петербургский колпак был род того колпака, какие ставили в наши далекие времена над синезолотыми часами, чтобы в тщательные складочки бронзы не забивалась пыль и зелень; эти часы до сих пор позванивают в прошлом времени, звуковой паст-перфектум» [2].

«Колпак», «купол» – музейная витрина в связи с увеличением масштаба охраняемых объектов претерпела существенные изменения со стороны формы. В повести «Фотография Пушкина» А. Битов доводит идею охраны культуры и истории до абсурда: «Наконец наступила эпоха торжества охраны природы и памятников! И тут мы поясним, что она действительно наступила. Аналогичные колпаки были возведены над Парижем и Римом, Пекином и Лхассой. В гамбургском зоопарке дал потомство кролик, а под колпаком Тауэра был восстановлен исторический газон. Очень красиво смотрелась Земля с кооперативных спутников: глубокого черного цвета, с серебряными пузырьками музейных центров, она выглядела теперь как ночное звездное небо – да и была ночным небом, – так смотрели на нее люди, снизу вверх. Они смотрели на Землю как на небо…» [2].

«Когда, в день открытия сессии, Игорь посетил музей-квартиру и увидел там письменный стол, накрытый колпаком, а чернильный прибор внутри прикрыт еще одним, значительно поменьше, то он тут же (и как он прошел все проверки?!) представил себе колпак над Петербургом, а над ним верхний, ленинградский, – у него голова закружилась от телескопичности». Парадокс и абсурд ситуации заключается в том, что хорошо сохранившаяся культура Петербурга остается по-прежнему недосягаемой. Осталась ее оболочка, а душа эпохи (даже при перемещении во времени) недоступна потомкам.

В качестве иллюстрации того же явления можно сослаться на повесть Сергея Довлатова с символическим названием «Заповедник». Действие повести «Заповедник» [2] происходит на территории Михайловского поместья, в котором провел несколько лет своей жизни А.С. Пушкин. Сейчас здесь находится музей. Устраиваясь работать здесь экскурсоводом, герой знакомится с остальными служащими музея и готовится, изучая определенную методичку: «Нужно как следует подготовиться. Проштудировать методичку. В жизни Пушкина еще так много неисследованного… Кое-что изменилось с прошлого года… – В жизни Пушкина? – удивился я». Территории заповедника тщательно придаются черты присутствия поэта: «Вы любите Пушкина? Тут все живет и дышит Пушкиным, буквально каждая веточка, каждая травинка. Так и ждешь, что он выйдет сейчас из-за поворота… Цилиндр, крылатка, знакомый профиль… Как хорошо, что Пушкин этого не видит… На каждом шагу я видел изображения Пушкина. Даже возле таинственной кирпичной будочки с надписью "Огнеопасно". Сходство исчерпывалось бакенбардами. Размеры их варьировались произвольно» [5].

Содержание жизни Пушкина, содержание его стихов становятся лишь формой культурной жизни, необходимым маркером интеллигентности, какого-то знания. Ирония строится на несовпадении того ореола святости, который придают этому месту, и той простоты, грубости, которая отличает его жителей, да и некоторых экскурсоводов; культа Пушкина и элементарного незнания туристами его стихов: «Я продолжал декламировать, лихорадочно соображая: "Да, товарищи, вы совершенно правы. Конечно же, это Есенин. И действительно – «Письмо к матери». Но как близка, заметьте, интонация Пушкина лирике Сергея Есенина!"… Лишь один пожилой турист со значением выговорил: "Да, были люди…"».

Отношение к поэту, не обремененное осознанием его творчества, пониманием его личности, перерождается в новую форму – религию. От того, кто находится на территории заповедника, требуются любовь к Пушкину и его стихам: «Вы любите Пушкина? – Так, думаю, и разлюбить недолго», признание величия поэта: «Пушкин – это наша гордость! Это не только великий поэт, но и великий гражданин… По-видимому, это и был заведомо готовый ответ на ее дурацкий вопрос». Стихи Пушкина воспринимаются как пророчества: «Исполнилось пророчество: «Не зарастет священная тропа!..». Хотя и тропа-то эта, протоптанная туристами, как раз меньше всего свидетельствует о святости: «К поэзии эти люди, в общем-то, равнодушны. Пушкин для них – это символ культуры. Им важно ощущение – я здесь был. Необходимо поставить галочку в сознании. Расписаться в книге духовности…» [5].

Главный герой, неудавшийся писатель, осознает разницу между Пушкиным и религией, посвященной Пушкину: «Чем лучше я узнавал Пушкина, тем меньше хотелось рассуждать о нем. Да еще на таком постыдном уровне. Я механически исполнял свою роль, получая за это неплохое вознаграждение. Больше всего меня заинтересовало олимпийское равнодушие Пушкина. Его готовность принять и выразить любую точку зрения. Его неизменное стремление к последней высшей объективности. Подобно луне, которая освещает дорогу и хищнику, и жертве. Не монархист, не заговорщик, не христианин – он был только поэтом, гением и сочувство-

вал движению жизни в целом. Его литература выше нравственности. Она побеждает нравственность и даже заменяет ее. Его литература сродни молитве, природе…» [5].

Итак, с одной стороны, абсурд, выступая средством демифологизации, способствует открытию первых и истинных смыслов. Для разрушения мифа используются следующие приемы: обытовление, использование пародийной, снижающей модальности. Укрупнение образа, приближение его к читателю позволяет увидеть, «как сделан» этот образ, другими словами, обнажает его структуру и тем самым делает невозможным его функционирование в качестве мифа. Но, с другой стороны, эта же демифологизация дает новый толчок к развитию культурного мифа, так как обновляет сознание, в котором он существует, через ситуацию остранения. Демифологизация способствует смене точки зрения на миф, открывает новые его смыслы, заставляя усомниться в прежде известных. При этом усиливается знаковая природа предмета, его возможность обозначать что-то помимо своего исходного содержания. Новое восприятие предмета, в том числе и развитие его знаковой природы, порождает новые интерпретации, новые смыслы, которые отвечают характеристикам мифа. Взаимообусловленность процессов ре- и демифологизации обеспечивает непрекращающееся существование любого однажды возникшего культурного мифа.

## БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Хармс Д. Литературные анекдоты. – М.: Олма-пресс, 2000.
2. Битов А. Фотография Пушкина. – М.: Панорама, 1998.
3. Терц А. Путешествие на чёрную речку и другие произведения. – Захаров, 1999.
4. Семушина К.А. Традиции набоковского мифа о Пушкине в повести А.Г. Битова «Фотография Пушкина» / К.А. Семушина // Культурная жизнь юга России. – Краснодар, 2013. – № 2 (49). – С. 89-90.
5. Довлатов С. Ремесло. – СПб.: Азбука-классика, 2004.

## REFERENCES

1. Harms D. Literary anecdotes. [Literaturnye anecdoty]. Moscow: Olma-press, 2000.
2. Bitov A. Photo of Pushkin. [Photografiya Pushkina]. Moscow: Panorama, 1998.
3. Terc A. Trip to the Black river and other. [Puteshesviye na chornuyu rechku i drugie proizvedeniya]. Zaharov, 1999.
4. Semushina K.A. Traditions of Nabokov's myth about Pushkin in A.G. Bitov's novel «Photo of Pushkin». [Tradicii nabokovskogo mifa o Pushkine v povesti A.G. Bitova «Photografiya Pushkina»]. Kulturnaya zhizn' Yuga Rossii = Cultural studies Russian south. Krasnodar. no 2 (49). 2013. Pp. 89 – 90. (in Russ.).
5. Dovlatov S. Craft. [Remeslo]. Sankt-Peterburg: Asbuka-classica, 2004.

### Information about the author

Семушина Катерина Алексеевна, аспирант, кафедра истории русской литературы, теории литературы и критики, Кубанский государственный университет,
г. Краснодар, Россия
kate4ka8989@mail.ru

Получена: 08.01.2016

Для цитирования статьи: Семушина К.А. «Город под куполом» или «заповедник»: доведённая до абсурда действительность. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 1. Часть 1. с. 181-183. doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/1-181-183

### Информация об авторе

Semushina Katerina A., Postgraduate Student, Department of History of Russian Literature, Theory of Literature and Critic, Kuban State University,
Krasnodar, Russia,
kate4ka8989@mail.ru

Received: 08.01.2016

For article citation: Semushina K.A. «City under the dome» or «reserve»: brought to the absurd reality. [«Gorod pod kupolom» ili «zapovednik»: dovedennaya do absurda deystvitel'nost']. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'= Historical and Social Educational Ideas. 2016. Tom 8. № 1. Vol. 1. Pp. 181-183.
doi: 10.17748/2075-9908-2016-8-1/1-181-183